

892.71
И-21

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ С.М. КИРОВА

На правах рукописи

Иванова Наталья Ивановна

**Н.В. Гоголь в восприятии и
творческой интерпретации
В.В. Набокова**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Псков 1999

СК

✓
Работа выполнена в Псковском государственном педагогическом институте им. С.М. Кирова на кафедре литературы.

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент **Голицына В.Н.**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Орлицкий Ю.Б.**
кандидат филологических наук, доцент **Целкова Л.Н.**

Ведущая организация - Тверской государственный университет

Защита состоится "20" сентября 1999 г. в 14 часов на заседании Диссертационного Совета К 113.81.01 по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Псковском государственном педагогическом институте им. С.М. Кирова по адресу: 180000, г. Псков, ул. Некрасова, д. 24, ауд. 18

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Псковского государственного педагогического института по адресу: 180760, г. Псков, пл. Ленина, д.2

Автореферат разослан "15" ноября 1999 года.

Ученый секретарь Диссертационного совета
ких наук, доцент _____

ГОС. НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
К. Д. Ушинского

01-14160

891.71

У-21

Экзот и кто

Общая характеристика работы

Имя автора: В.В. Набоков

Настоящая диссертация посвящена исследованию проблемы восприятия и творческой интерпретации В.В. Набоковым личности и творчества Н.В. Гоголя.

Актуальность исследования. Обращение к данной теме обусловлено повышенным интересом современного литературоведения к творческому наследию В.В. Набокова в целом, а также необходимостью определения истоков его творчества. Для писателя необыкновенно актуальны традиции русской литературы, которые не только усваиваются, но и трансформируются в его произведениях. Для Набокова наиболее продуктивно интертекстуальное включение наследия предшественников, а также трансформация художественных приемов.

Одним из интереснейших предшественников для Набокова является Н.В. Гоголь. Гоголевское наследие не только актуально для Набокова, но и продуктивно в его текстах. Интертекстуальное включение "гоголевского элемента" позволяет во многом по-новому прочесть набоковский текст.

В предлагаемой работе сделана попытка выявить на материале художественного творчества В. Набокова (русскоязычный период, 1926-1939 гг.), а также, что особенно важно, на материале эссе "Николай Гоголь", которое становится центром исследования, поскольку именно в нем выкристаллизованы основные критерии оценки творчества писателя, своеобразие восприятия и творческой интерпретации личности и творчества Н.В. Гоголя. Особую значимость гоголевского творчества для Набокова позволяют раскрыть "Лекции по русской литературе" и "Лекции по зарубежной литературе", в которых творчество Гоголя зачастую становится своеобразным эталоном. В диссертации обнаруживается, что русскоязычные произведения Набокова являются "предысторией" позднего эссе "Николай Гоголь", так как многие ценные замечания о своеобразии гоголевской поэтики разбросаны по страницам ранних произведений Набокова.

В этом аспекте данная проблема рассматривается впервые, что обуславливает степень научной новизны настоящей диссертации.

Так как цель данной работы составляет определение своеобразия восприятия Набоковым личности Н.В. Гоголя и выявление особенностей интерпретации гоголевской поэтики в творчестве Набокова, то для ее достижения необходимым стало решение следующих задач:

1. Проследить функциональность "гоголевского элемента" в произведениях Набокова.
2. Обозначить основные точки соприкосновения набоковского и гоголевского творчества.

3. Выявить и осмыслить восприятие Набоковым личности и творчества Н.В. Гоголя (на примере эссе "Николай Гоголь").

4. Определить место и роль гоголевского наследия в эстетической концепции В. Набокова.

В связи с этим, главным материалом и объектом исследования в представленной диссертации является эссе "Николай Гоголь" (1944 г.) и русскоязычное творчество Набокова, которое рассматривается на фоне "Лекций" Набокова.

Теоретической основой исследуемой в диссертации проблемы стали работы М.М. Бахтина, Р. Барта, Ю. Кристевой, В.В. Виноградова, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Манна, Ю.Н. Тынянова, Н.А. Кожевниковой, А.А. Долинина, А.С. Мулярчика, Б. Бойда, В.Е. Александрова.

Методологической основой исследования стали сравнительно-исторический и структурно-типологический принципы анализа литературных явлений.

Научно-практическое значение диссертации определяется возможностью использовать ее результаты в общих и специальных вузовских курсах по изучению истории литературы русского зарубежья в целом, и творчества В.В. Набокова в частности.

Апробация работы. Основные положения диссертации и ее отдельные аспекты неоднократно обсуждались не ежегодных студенческих научных конференциях ПГПИ, на заседаниях кафедры литературы ПГПИ, на ежегодных конференциях преподавателей института, а также положены в основу выступлений на научных конференциях в Санкт-Петербурге (1997, 1998, 1999 гг.), на Вторых Майминских чтениях в Пскове (ПГПИ, 1998 г.), на Международной научной конференции "К 100-летию со дня рождения В.В. Набокова" в Москве (ИМЛШ им. А.М. Горького, 1999 г.)

Основные положения диссертации изложены в шести публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Диссертация изложена на 163 машинописных страницах. Библиография содержит 220 наименований.

Основные положения диссертации

Во введении обосновывается правомерность постановки проблемы, ее актуальность и научная новизна, излагаются общие теоретические и методологические принципы подхода к исследуемому материалу, определяется цель, задачи и структура диссертации, а также излагается история вопроса.

Связь творчества В. В. Набокова с русской литературной традицией является одной из актуальнейших проблем современного набоковедения. Настоящая диссертация посвящена исследованию отдельного аспекта данной проблемы, которым является восприятие и творческая интерпретация В.В. Набоковым личности и творчества Н.В. Гоголя.

Как известно, оценки Набоковым творчества русских писателей отличаются особой оригинальностью и неожиданностью трактовки произведений. Удивляют своей необычностью эссе, посвященные А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, А.М. Горькому и другим русским и зарубежным писателям. Свообразные оценки творчества литературных предшественников представляют возможность выделения эстетической концепции В.В. Набокова. Центральным становится вопрос о роли гуманистической традиции русской классики в творческом сознании В. Набокова. Речь идет об особом взгляде писателя на творчество художника, свободного от всевозможных догм. Именно этот "завет" предшествующей традиции особо чтится независимым автором "Дара". Одной из первых этот вопрос затрагивала З.А. Шаховская в работе "В поисках Набокова".¹ Исследовательница определила круг писателей, оказавших влияние на творчество Набокова. В этот круг включаются и русские, и зарубежные авторы: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, И.А. Бунин, М. Пруст, Ф. Кафка, Г. Флобер, А. Роб-Грийе, Ж.-П. Сартр, А. Камю, С. Беккет.² Примечательно, что в один ряд с русскими писателями поставлены зарубежные. В текстах Набокова чрезвычайно тонко переплетены связи с творчеством различных авторов, русских и зарубежных.

Данная особенность творческой манеры писателя позволяет современному исследователю, А.С. Мулярчику, убедительно, на наш взгляд, выделить "интернациональную" суть творчества Набокова. По мысли исследователя, Набоков "сыграл для своего времени роль незаменимого интегрирующего начала".³

¹ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991.

² Там же. - С. 67-82.

³ Мулярчик А.С. Русская проза Владимира Набокова. - М, 1997.- С. 133-134.

В творчестве В. В. Набокова синтезированы разноплановые стилевые особенности. Это создает трудность для однозначного выделения его творчества в русле какого-либо литературного течения. В многотомной набоковиане, от ранних работ В. Ходасевича и Г. Адамовича до широко известной монографии Б. Бойда и антологии В. Александрова, а также периодических выпусков “Nabokovian” и “Nabokov studies”, не существует однозначной трактовки творчества В. Набокова, несмотря на сложившиеся стереотипы восприятия произведений писателя.

Бесспорным является факт влияния различных литературных источников как русской классической литературы, так и литературы постмодернизма на творчество Набокова. Это предполагает использование широкого литературного контекста в исследовании данной проблемы. Внимание исследователей привлекает интертекстуальность набоковских произведений. Данная особенность позволяет выявить наиболее значимые для авторского сознания тексты. Таковыми, несомненно, являются произведения Н.В. Гоголя.

Актуальность творчества Гоголя для Набокова вписывает творчество последнего в круг литературы XX века, когда совершился “выход Гоголя на авансцену мировой культуры”, появилось “ощущение его как необычайно актуального художника, предвосхитившего тенденции иррациональности и абсурдизма в современном искусстве” (Ю.В. Манн).

Вместе с тем, набоковская интерпретация творчества Н.В. Гоголя необыкновенно важна. Художественные произведения и эссе Набокова знакомы зарубежье с наследием русской литературы. Зарубежное литературоведение испытывает влияние набоковской трактовки творчества Н.В. Гоголя. Многие исследователи воспринимают творчество Гоголя через призму работ В.В. Набокова. Этот факт доказывает необыкновенную важность эссе “Николай Гоголь” и необходимость детального исследования набоковского восприятия личности и творчества Н.В. Гоголя.

В выявлении гоголевских начал в творчестве Набокова мы опираемся на тезис М.М. Бахтина о том, что “текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу”. Таким диалогом является взаимодействие набоковских текстов с гоголевским наследием.

В современном литературоведении одновременно употребляются пересекающиеся и в чем-то идентичные для обозначения явления “диалогизации текстов” термины: “традиция”, “чужое слово в тексте”, “интертекстуальность”.

“Традиция” предполагает творческое развитие опыта предшествующей литературы, формальную близость индивидуальных художественных

манер, общность средств и приемов художественной выразительности. Сюда же отнесем несомненное родство логики, схожесть решения проблем, принципов познания мира творцами (художниками).

Неавторское слово или “чужое слово”, именуемое так литературоведами вслед за М. Бахтиным,¹ обозначает отдельные звенья речевой ткани, не принадлежащие автору и находящиеся в весьма сложном отношении к сознанию последнего. Развивая данное положение Бахтина, в современном литературоведении взаимодействие авторского текста и “чужого слова” рассматривается как диалог (в сложных случаях – полилог). Однако следует обратить на внимание на справедливое замечание В. Шмида, указавшего на случаи такого взаимодействия, которые отличаются от понятия диалога. Диалогизм в этих случаях рассматривается лишь как бахтинский термин. Конкретнее, имеется в виду тот случай, когда “чужое слово” пассивно подвергается “нападению” нового контекста. Именно такими случаями изобилуют тексты В. Набокова. “Гоголевское слово” зачастую не “ведает”, что послужило поводом к высказыванию. Такой случай в литературоведческих работах получил название “комментария”.²

Интертекстуальность, в свою очередь, подразумевает также не простые подражания, а, скорее, “творческий диалог”. Несомненно, в термине заложено не простое повторение, но и развитие заимствованных приемов (здесь мы обнаруживает пересечение с термином “традиция”). Понятие интертекстуальности включает в себе помимо “притяжения” “отталкивание”, на эксплицитном уровне это выражается в намеренном отказе от предшествующего опыта.

Термин “интертекстуальность”, введенный в 1967 году Ю. Кристевой, имеет в различных теоретических трудах неоднозначную наполняемость.

В современном литературоведении термин “интертекстуальность” обозначает широкую совокупность межтекстовых связей. В осмыслении нашей проблемы гораздо предпочтительнее термин “интертекстуальность”, поскольку для Набокова, как мы считаем, наиболее свойственным является

¹ М.М. Бахтин, исследуя роман, выделил преобладание в этом жанре “чужого слова”: “Автор говорит не на данном языке [...] а как бы через язык [...] объективированный, отодвинутый от его уст [...] Разногласия и разноречие входят в роман и организуются в нем в сложную художественную систему”. (Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – С.112-113.)

² Каневская М. Искаженная цитата как ключ к новому смыслу: Чехов о Гоголе // Гоголевский сборник. – СПб., 1994. – С. 159-174;
Dialog der Texte: Hamburger Kolloquium zur Intertextualität / Schid W., Stempel W.-D. (eds.) – Wien, 1983.

не творческое развитие предшествующего опыта литературы, а свободное использование стилистики, образной системы предшественников, широкое включение “чужого слова” в собственные тексты, обогащающее последние, и, в то же время, жестко детерминированное авторской волей.

Первая глава посвящена интерпретации гоголевского творчества. Восприятие личности и творчества Н.В. Гоголя во многом складывается у Набокова через всю систему оценок творчества Н.В. Гоголя предшествующей литературой по принципу “притяжения – отталкивания”, при доминирующей позиции последнего. Наибольшее влияние оказали на него работы Д.С. Мережковского, А. Белого, В. Розанова, Д. Чижевского. В то же время для набоковской точки зрения характерен отказ от прочтения гоголевской личности как пророка. Набоков настойчиво и категорично освобождает творчество писателя от какой бы то ни было идейной нагрузки. Исходным моментом в рассуждениях В. Набокова является стремление вернуть “искусство искусству”. Набоков спорит с шестидесятниками “утверждавшими примат общественных ценностей над художественными”, поэтому главным критерием в оценке творчества писателя становится для Набокова эстетический.

Интерпретация Гоголя Набоковым отличается не только оригинальностью, но и явной полемичностью со сложившимся стереотипом трактовки писателя как обличителя общественных пороков. Гоголь Набокова – это Творец, обогативший литературу новыми оригинальными приемами, трансформирующими действительность. Отметим, что мы говорим о “приеме”, который (вслед за В. Ходасевичем) определяется Набоковым как миропонимание. Отсюда скрупулезное внимание В. Набокова к гоголевским приемам, при помощи которых создается амбивалентный мир художественных произведений. Более того, само восприятие личности и творчества Н.В. Гоголя выросло из анализа его оригинальных изобразительных приемов.¹ Собственное творчество становится для Набокова как бы “лабораторией”, в которой выкристаллизовываются основные аналитические положения более поздней работы – эссе “Николай Гоголь”. При этом разноаспектный анализ включения в тексты Набокова гоголевских изобразительных приемов позволяет выявить степень влияния гоголевской поэтики на художественную манеру В. Набокова.

В главе систематизируются основные проблемы, вычлняются наиболее интересные для Набокова приемы, выявляется сходство в изображении предмета мира (§ 1), изображении персонажей (§ 2), обнаружива-

¹ Долинин А.А. Доклады В. Набокова в Берлинском литературном кружке (Из рукописных материалов 20-х годов) // Звезда. – 1999. – № 4. – С. 7-11.

ются основные точки пересечения набоковского и гоголевского художественных миров. Присутствие гоголевского “элемента” в текстах Набокова позволяет сделать вывод не только о своеобразной трансформации гоголевской традиции, но и о близости некоторых эстетических принципов двух авторов.

В изображении предметного мира вычленяется общий принцип внимания к подробностям, к “фону” повествования. Следует отметить, что “фон” (в понимании Набокова – все, что не относится к фабуле произведения) наиболее важен, так как именно из него соткан мир любого художественного произведения.

Следует также отметить, что на эту черту поэтики Гоголя обращали внимание как критики гоголевской эпохи, так и современные ученые (А.К. Аксаков, Л.И. Еремина, Ю.В. Манн). Об особо пристальном внимании Гоголя к фону говорится, в частности, в работе В.Ф. Переверзева: “Последовательно и плавно разворачивает он (Гоголь – Н.И.) перед нами картину за картиной ... не бросая случайных... образов”.

Но в набоковском и гоголевском изображении предметного мира отсутствует существенное различие, которое углубляется благодаря использованию сходных или одних и тех же приемов.

Так, подробности в произведениях Гоголя выполняют функцию передачи наиболее полной картины мира. К примеру, текст “Мертвых душ” наполнен “второстепенными” персонажами и предметами: “...только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем”.¹ К.С. Аксаков, оценивая данную особенность произведений Гоголя, справедливо сравнивал творчество последнего с гомеровским: “В поэме Гоголя является нам тот древний, гомеровский эпос; в ней возникает вновь его важный характер, его достоинство и широкообъемлющий размер”.² В набоковских текстах предельное сгущение подробностей передает разбитость мира, его чуждость и враждебность; “второстепенные” персонажи, оживляющие “фон произведения” обостряют отчужденность и одиночество героя: “...дамы напоказ улыбались, и кавалеры их – трое раскормленных мужчин режиссерско-купеческого образа – цыкали, шелкали пальцами и ругали бледного, потного лакея за медлительность и нерасторопность. Один из этих мужчин показался ей (Лужиной – Н.И.) особенно противным: белозубым, с сияющими карими глазами...”³.

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 5 т. – Т.5. – С.9.

² Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. – М., 1981. – С.141-143.

³ Набоков В.В. Собр. соч.: В 4т. – Т.2. – С.326.

Отчужденность героини особенно ощутима на фоне безразличного, "показного" благодушия дам и "раскормленных" мужчин. Общая декоративность (даже марионеточность) обстановки передана при помощи точно найденного Набоковым эпитета "режиссерско-купеческий", который несет в себе еще и явно иронический оттенок. Набоков явно следует гоголевскому приему в создании "фона произведения".

Одушевление предметного мира, свойственное прозе Н.В. Гоголя, актуализировано в набоковских текстах. Но если у Гоголя бытовое пространство всегда содержит вещи с "резко выраженным признаком материальности" (Ю.М. Лотман), то набоковская вещь реальна и призрачна одновременно. Она находится в постоянном изменении, поэтому столь пристален взгляд художника, задачей которого является стремление "остановить мгновение", оставить в памяти мельчайшую черту вещи, которая поможет воскресить прошлое.

Точно так же внимателен Набоков к деталям внешности человека. И если картина мира складывается из бытовых деталей, то образ героя создается из наиболее выразительных черт его внешности. В этом Набоков опять же следует гоголевской манере.

Общими в изображении персонажей становятся приемы сравнения, метонимии, разложение действия на составляющие его движения. В целом же следует отметить, что Набоковым усваивается опыт предшествующей литературы, в частности гоголевский, но писатель в большей степени не следует традиции гоголевской прозы, а свободно трансформирует наиболее ценные, в его восприятии, приемы. Так актуализированы в творчестве Набокова такие приемы, как "оживление" вещи, изображение персонажа при помощи запоминающейся детали, метонимия, прием игры автора с фабулой, героями, читательским восприятием, зеркальность в изображении мира.

Гоголевское наследие, включаемое Набоковым в тексты романов, трансформируется. От читателя набоковских текстов требуется владение определенным "набором ключей" к пониманию текста. В конечном итоге, текст Набокова "вынуждает" читателя увидеть и оценить "интертекстуальную игру".¹

В то же время примечательно, как свободная трансформация усваиваемых приемов во многом подготовила теоретические положения, нашедшие выражение на страницах "Эссе". В правильности подобного утверждения позволяет убедиться вторая глава, целиком посвященная эссе "Гоголь".

¹ Riffaterre Michael. Semiotics of Poetry. — Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1978, p. 17.

Эссе “Николай Гоголь” является тем “магическим кристаллом”, в котором преломляются не только основные излюбленные набоковские идеи, но и его художественные приемы. Эссе – своего рода ключ к постижению набоковского представления о творце, его мире. Главное, что Набоков ценил в творчестве Н.В. Гоголя – особое преображение мира реального в художественный. И именно это является критерием отбора и использования гоголевских приемов в текстах Набокова. Своеобразие преображения художественного мира определяется главным набоковским критерием в оценке писателя – воображением. Отсюда воссоздание прошлого (своей жизни или жизни другого) возможно лишь как перепридумывание: “Я прекрасно понимаю, что это не Пушкин, а комедиант, которому плачу, чтобы он сыграл роль. Какая разница! Мне нравится эта игра, и вот я уже сам в нее поверил”.¹ Отсюда же и созданный Набоковым миф о Гоголе, который является своего рода попыткой проникнуть в “многомерное” гоголевское творчество. В то же время создание своеобразного мифа о писателе вписывает Набокова в контекст литературы XX века (А. Блок, А. Белый, М. Цветаева и др.).

Во второй главе внимание сосредоточено на анализе эссе “Николай Гоголь”. Это произведение завершает размышления писателя о месте гоголевского творчества в мировом литературном процессе. Именно здесь обобщается опыт, приобретенный Набоковым, ярко высвечиваются эстетические принципы писателя.

В главе исследуется история создания эссе, источники, включенные Набоковым в свой текст. В самом эссе Набоков указывает на некоторые из них. Это, во-первых, книга В. Вересаева “Гоголь в жизни”,² во-вторых, работа А. Белого “Мастерство Гоголя”,³ статья Р. Иванова-Разумника “Белинский и Гоголь”.⁴

Связь творчества Набокова с творчеством А. Белого рассматривалась в работе О.Ю. Сконечной.⁵ Исследовательница осмысливает влияние интерпретации гоголевского творчества А. Белого на восприятие Гоголя В. Набоковым, изучает реминисценции из творчества А. Белого в прозе В. Набокова.

¹ Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М., 1996. – С. 416.

² Вересаев В. Гоголь в жизни. Соб. соч.: В 4 т. – Т. 3-4. – М., 1990.

³ Белый А. Мастерство Гоголя – М., 1996.

⁴ Иванов-Разумник Р.И. Белинский и Гоголь. – Т. 5. – СПб., 1916. – С. 246-269.

⁵ Сконечная О.Ю. Черно-белый калейдоскоп. А. Белый в отражениях Набокова.// Набоков: pro et contra/ - СПб., 1998. – С. 667-696.

Меньше обращалось внимание на то, как использует Набоков книгу В. Вересаева. В критической литературе она получила неоднозначную оценку. В. Ходасевич негативно отзывался о своеобразном методе В. Вересаева – расположение документального материала без критической оценки, использование источников, не равных по достоверности. Совершенно очевидно, что Набоков документальный материал (воспоминания современников, письма и т.д.) черпает, в основном, из книги В. Вересаева. В то же время сопоставительный анализ эссе Набокова с материалами книги В. Вересаева свидетельствует о степени субъективности в отборе этого материала, его компоновки и его подчиненности набоковской концепции жизни (личности) Гоголя и его дара.

В лекции и эссе “Николай Гоголь” личность и дар писателя часто соотносятся на уровне оппозиции, по сути близкой к пушкинскому “И меж детей ничтожных мира, Быть может всех ничтожней он...”.

Отсюда внешнее ступается до отгалкивающего натурализма, вызывающего негативное отношение, что помогает оттенить, экспрессионистически заострить подлинность дара, воображения, пересоздающего реалии жизни в художественную действительность. Последняя обладает при убеждающей реальности многомерностью ее пространственно-временных измерений, о чем подробнее рассказано во II разделе II главы.

В эссе используются и другие источники, которые непосредственно не упомянуты его автором: так проникают на страницы набоковского произведения, несомненно интересующие его, работы В.В. Розанова (“Гоголь”, “Загадки Гоголя”, “Гений формы”)¹, и А. Ремизова (“Огонь вещей”).

О книге А. Ремизова “Огонь вещей” следует сказать особо. Набоковское восприятие Н. В. Гоголя сродни ремизовскому. Сближает их транскрипции необычная иррационально-мистическая трактовка образа Гоголя.

Отметим, что при всей разнице в трактовке образа Гоголя и его творчества общее в работах В. Набокова и А. Ремизова несомненно. Это стремление “вернуть” восприятию произведений Гоголя свежесть и актуальность.

Знакомство В.В. Набокова со статьями В.В. Розанова можно обнаружить в трактовке образа Н.В. Гоголя, в частности, можно отметить пересечение во взгляде на Н.В. Гоголя как, по преимуществу, на художника формы. Известно, что в статье “Гений формы” (1909 г., “Новое время”) Розанов отмечал особую роль последней в творческой манере Гоголя:

“Форма, то, как рассказано, - гениальна до степени, недоступной решительно ни одному нашему художнику по яркости, силе впечатления, удару в

¹ Розанов В.В. О писателях и писательстве. - М., 1995, - С. 347.

память и воображение, она превосходит даже Пушкина и Лермонтова”¹.

Вслед за Розановым, Набоков также обращает внимание на формальную сторону организации произведений Н.В. Гоголя. Поэтому так детально его анализируют произведения Гоголя, в которых не существует “мелочей”. Все подробности важны и существенны. О роли деталей мы уже говорили выше, сопоставляя творчество Набокова и Гоголя.

Подобная заостренность роли деталей характерна и для трактовки В. Розанова, аналогично доказывающего, что в творчестве Н.В. Гоголя нет мелочей.

В то же время есть существенное различие в подходах к Гоголю В. Розанова и В. Набокова. Оно выражается в стремлении В. Розанова “отказаться” творчеству Гоголя в глубине и значимом содержании. Для него Н.В. Гоголь является “единственным по исключительности” в истории примером “формального гения, то есть устремленного единственно на форму, способного единственно к форме, чуткого единственно к форме, к ней одной, до известной степени, всеведущего и всемогущего. И – без всякой чуткости, без всякой мощи, без всякого ведения о содержании, о мысли, о “начинке”².

“Набоковская трактовка” характеризуется четким выделением “второго” плана в произведениях Н.В. Гоголя, обнаружением “потусторонней” наполненности его организованной формы. Набоков никогда не отказывал произведениям Гоголя в содержательности, поднимая их даже на общечеловеческий уровень.

Вместе с тем, в трактовке свойства прозы Н.В. Гоголя “отражать” окружающий мир В. Розанов и В. Набоков сходятся. У Розанова мысль об этом свойстве прозы Гоголя формулируется следующим образом: “наведет зеркало и осветит человека, изумительно осветит, - как никогда и никто не умел. Но и только”³. Розанов полагал, что Гоголь не изображал движения мысли, души, что все его портреты статичны, зеркальны.

Набоков в эссе несколько иначе трактует “зеркальность” как особенность гоголевской прозы. С одной стороны, он отмечает, что “зеркало” по особому отражает жизнь в гоголевских произведениях. С другой - не только мир отражает зеркало, но и оно само создано по особым законам. Другими словами, зеркальное отображение жизни является, по Набокову, особым приемом в творчестве Н.В. Гоголя. Но зеркальное отражение не объективно.

¹ Розанов В.В. Гений формы// Розанов В.В. О писателях и писательстве. - С. 347.

² Там же. - С. 348.

³ Розанов В.В. Гений формы// Розанов В.В. О писателях и писательстве - С. 349.

Оно всегда искажено. Эта трактовка мира как “зазеркалья”, - считает он, - подготовлена собственным художественным творчеством В. Набокова.

Если для В. Розанова важен сам факт зеркального отображения, он становится в статье синонимичным точному воспроизведению действительности, неподвижной, словно окаменевшей, то в набоковском тексте “зеркальность” несет некую смысловую нагрузку.¹

В интерпретации стиля прозы Н.В. Гоголя, в оценке особенностей гоголевской фразы Набоков следует в значительной мере за А. Белым и его работой “Мастерство Гоголя”. В тексте эссе автор несколько раз ссылается на книгу А. Белого. Так, он использует наблюдения Белого о роли колеса – круга в “Мертвых душах”. Этот образ находит воплощение в набоковской художественной системе. Многие его произведения построены по схеме кольца, иногда размыкающегося в бесконечность. Так построено и само эссе.

Автор также следует за наблюдениями А. Белого и в трактовке образа Чичикова, обращая внимание на “круглоту” Чичикова. В набоковской транскрипции образ гоголевского героя изменяется: от “колоссального шарообразного пошляка” до “мыльного пузыря”, пускаемого дьяволом. Далее этот образ развивается до “поглощающей пустоты”.

Связь набоковской трактовки с работой А. Белого достаточно исследована в филологической науке. Так, о функциях “пустоты” талантливо написал У.Роу² в книге “Набоков и другие: Двойники в русской литературе”. Исследователь находит точки пересечения творчества А. Белого и В. Набокова, именно в усвоении традиций Н.В. Гоголя.³

Немаловажно заметить, что мотив “пустоты” связан в эссе с мыслью автора о борьбе с пошлостью, которая ассоциируется у Набокова в некоторой степени и с пустотой. Набоков неоднократно обращался к этому положению, выделяя его во многих своих работах. Возможно, здесь Набоков опирался на работу Иванова-Разумника “История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни 19 в.”⁴ В то же время он явно использует статьи Иванова-Разумника “Белинский и Гоголь” (1916 г.), выделяя главным критерием оценки искусства – “бесцельность”. Вместе с тем, Набоков обращался к некоторым положениям “худож-

¹ О мотиве “зеркальности” см. книгу: Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. – М., 1998.

² Rowe William Woodin. Nabokov and others: Patterns in Russian Literature. Ann Arbor: Ardis, 1979.

³ Rowe W.W. Ibidem. – P.37

⁴ Иванов-Разумник Р.И. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни 19 в. – СПб., 1907.

жественной точки зрения” В.Г. Белинского, полемически их выворачивая. Так, Белинский подчеркивает “величайшую объективность” Гоголя. Набоков же настаивает на подлинной субъективности гения Н.В. Гоголя.

Таким образом, присутствующие в эссе В. Набокова источники позволяют сделать вывод о своеобразии эссе В. Набокова, которое является синтезом всего его творчества. В то же время использование им определенных филологических работ позволяет более предметно обозначить точку зрения самого автора.

Отбор материала, его анализ определяется в соответствии с авторской задачей. Для автора эссе особенно важным становится определение места творчества Н.В. Гоголя во всем корпусе русской литературы и шире, - мировой литературы. Поэтому в центре внимания Набокова - образ Гоголя как художественный, подчиненный эстетической концепции автора. Трактовка В. Набокова в некоторых аспектах кардинально отличается от традиционного взгляда на Гоголя как выразителя социальных идей. По его мнению, произведения Гоголя не могут быть сведены к обличительному пафосу. Отсюда, задачей автора становится разрушение стереотипов восприятия творчества Н.В. Гоголя. Именно в хрестоматийно известных произведениях Н.В. Гоголя Набоковым найдены те грани его творчества, которые сродни его собственной эстетической концепции.

Концепция В.В. Набокова в эссе – это концепция зрелого мастера со сложившейся системой взглядов на искусство. Следует подчеркнуть, что эссе о Н.В. Гоголе содержит немало оценок, данных В.В. Набоковым, литературе в целом, писательскому труду и восприятию читателя. Для него самого Н.В. Гоголь является символом искусства, символом творца.

Свобода обращения В.В. Набокова с образом Н. В. Гоголя изначально обусловлена жанром эссе. Образ Н.В. Гоголя претерпевает изменения, трансформируется в зависимости от авторской задачи. Набоковское восприятие личности Н.В. Гоголя является своеобразным мифом, подчиненным авторской воле. Мифопоэтическая интерпретация выявляет общие точки соприкосновения художественных миров двух писателей. Близость их эстетической концепции проявляется в создании особой действительности.

В этой преображенной творцом действительности все кажется реальным и наполненным “подробностями”, но это уже иная, художественная реальность (“четвертое измерение” по В. Ходасевичу). Граница реального и “потустороннего” миров в текстах Н.В. Гоголя и В.В. Набокова проницаема. Герои с легкостью осуществляют переход в “иной” мир, комическое может преобразоваться в космическое, “проваливаясь в брешь глухонемых букв” (В.В. Набоков). В этом пространстве конкретное время оборачивается временем, творимым писателем. Проявляется это в устойчивых приметах, свой-

ственных только его измерениям (“Минут в шесть с небольшим [по особым гоголевским часам]”, - отмечает Набоков в комментариях к эссе “Николай Гоголь”). В пространстве гоголевских и набоковских текстов призрак оказывается реальнее (сущностнее) “живого” Акакия Акакиевича.

Гоголь, по мнению Набокова в совершенстве владел искусством создания воображаемой реальности, похожей на жизнь, и, в то же время, иной (“Проза Гоголя по меньшей мере четырехмерна”). Потому-то Набоков называл его самым великим писателем, которого только могла произвести Россия. Проникновение в творчество Гоголя требовало от внимательного читателя переосмысления привычных литературных ценностей. Заслугой Гоголя, по мысли Набокова, было создание новой, свободной от навязчивого дидактизма, литературы. Отсюда преимущественное внимание Набокова к тем элементам гоголевского стиля, поэтики, которые трансформировали факты, события реального мира, их “остраняли”, переводили в художественное измерение.

Заключение содержит итоговые обобщения исследования и намечает его возможные перспективы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. "Ревизор" Гоголя в интерпретации В. Набокова // Тезисы докладов научной конференции студентов ПГПИ. – Псков, 1994. – С. 50.
2. О трансформации традиций Гоголя в творчестве В. Набокова // Слово и образ: К 75-летию Е.А. Маймина. – Псков, 1996. – С. 66-72.
3. Анализ текста романа В. Набокова "Защита Лужина" на уроке литературы // Работа с текстом на уроке словесности: Сборник методических статей. – Псков, 1997. – С. 18-21.
4. Роль гоголевских рецензий в романых текстах В.В. Набокова // Молодежь - науке: Тезисы докладов научной конференции аспирантов и студентов. – Псков, 1998. – С.28.
5. Источники создания эссе "Николай Гоголь" В.В. Набокова // Вторые Майминские чтения. – Псков, 1998. – С. 100-102.
6. О некоторых особенностях интерпретации Набоковым Гоголя (эссе "Николай Гоголь") // Набоковский вестник. - Вып. 1. – СПб., 1998. – С. 118-124.

СИ-14160